

Сказка о Красоте

На высокой горе, среди снежных облаков, среди синего неба построен заповедный чертог. Амброй и розами благоухает он еще издалека. В золотых курильницах тихо мерцает голубое пламя, распространяя нежный аромат. Синим дымком уходит он в золотой купол. А кругом: на полу, на стенах, на потолке -- все розы, розы, розы... Целый лес роз, целое море роз.

В розовом чертоге живет Красота, прекраснее роз, прекраснее заповедного чертога, прекраснее целого мира. Пять сестриц, златокудрых невольниц охраняют каждый шаг своей царицы. Глядят ей, не отрываясь, в очи, глядят и поют...

Красота слушает целыми днями пение невольниц, любит, как завивают они венки из душистых роз, гуляет по мраморным плитам своего чертога и скучает.

Скучает Красота...

Наскучили Красоте и амбра, и розы, и пение златокудрых подруг. Хочется ей проникнуть за заповедные стены, узнать, что делается за ее чертогом, внизу, в долине. Ведь поют же златокудрые невольницы о том, что есть люди на свете, есть птицы и звери, а кто и какие они и как выглядят, не знает Красота...

Хоть бы одним глазком взглянуть, хоть бы на мгновение выпорхнуть из заповедного чертога и без докучной свиты взглянуть на мир! А златокудрые невольницы, как нарочно, поют о ярком солнце, о дивном мире, о людских праздниках и о веселых людях, которые день и ночь мечтают увидеть ее, Красоту.

"Если мечтают, зачем ей не показать им себя, бедным людям?" -- подумала как-то Красота и высказала свою мысль подругам.

Те заохали, застонали, чуть ли не разлились в потоках слез.

-- Что ты, что ты, царица, опомнись! Разве можно показываться людям! Да ведь они и воспевают и славят тебя оттого только, что не видят тебя и лишь догадываются о твоём существовании. И, несмотря на все достоинства, которыми ты пленяешь мир, люди считают тебя в своем воображении красивее и могущественнее, нежели ты есть на самом деле. А раз ты покажешься им, предстанешь пред их глазами, они перестанут боготворить тебя, начнут искать в тебе разные недостатки, не будут уже признавать такой прелестной, очаровательной, перестанут восторгаться тобою. Таковы уже люди! Они любят все далекое, неизведанное, а раз это далекое, неизведанное приближается к ним, они, неблагодарные, и знать его не хотят!

Засмеялась Красота. Как можно не восторгаться ею? Как можно пренебречь

ею -- красавицей вселенной? Как можно не любоваться ею -- первую и единственную в мире обладательницу всех прелестей?

Взглянула в зеркало царица, и зеркало отразило ее лицо, белое, как снег, отразило алые щечки -- два лепестка розы, синие глазки -- две лучистые звезды, золотые кудри -- сноп солнечных лучей, пурпуровый ротик -- цветок мака... Так воспевали невольницы красоту царицы, и такую увидела себя она сама в отражении зеркала.

И вдруг зазорное желание пробудилось в голове прекрасной царицы -- пойти к людям и сказать им:

-- Смотрите на меня. Я краше всего мира. Я -- Красота. Любуйтесь мною и поклоняйтесь мне. И сознайтесь, что вблизи я еще лучше, нежели издали. Я -- Красота и недаром ношу это имя.

В тот вечер царица была печальна и задумчива, какою никогда еще не видели ее златокудрые рабыни. Ложась на свое ложе перед сном, вся увитая розами и окуренная амброй, Красота долго вертела драгоценный перстень в руках. У этого перстня была чудодейственная сила. Его волшебница Истина дала при рождении Красоте. Стоило только приложить к губам драгоценный перстень -- и все преграды должны были рушиться на пути Красоты, но не ранее как на семнадцатом году жизни прекрасной царицы... Сегодня как раз был канун рождения царицы, и перстень Истины мог получить силу в ее руках. Об этом и вспомнила, ложась спать, Красота. Сегодня в ночь перстень Истины должен сослужить ей службу. И притворилась спящей Красота, чтобы обмануть своих златокудрых невольниц.

-- Уснула Красота! -- прошептали те, увидав закрытые глаза своей царицы, и разбрелись по своим ложам.

А Красоте только того и надо.

Вскочила, огляделась и приложила перстень Истины к губам.

-- Вот гадкий фонарь! -- рассердилась Красота и даже ножкой топнула от гнева. -- Плохо же ты светишь Красоте!

-- Ха, ха, ха! -- рассмеялся фонарь. -- Я не фонарь, а месяц. Плоха же ты, Красота, если не можешь светить сама себе. Видно, лучи твои померкли и ты потемнела. Ведь Красота должна бы светить не хуже меня и моего старшего братца -- солнца.

Обиделась Красота.

-- Невежа! -- крикнула она и поспешила скрыться от насмешек месяца в самую чащу леса.

Идет дальше Красота.

Идет и видит -- огромный бурый медведь сидит на пороге берлоги и ревет во все горло.

Так как Красота не имела понятия о животных в своем заповедном чертоге, то

и приняла медведя за человека.

-- О чем ты горюешь, бедный человек? -- проговорила она и, приблизившись к медведю, положила ему на голову свою прелестную ручку.

Медведь покосился на ручку Красоты и заревел снова, но уже значительно тише.

-- Я не человек, а зверь и голоден, как никто из зверей не голоден в эту ночь. Наконец-то ты пришла. С твоим появлением я ведь могу рассчитывать на отличный ужин.

-- Ах, я не умею, к сожалению, готовить и вряд ли сумею тебе состряпать ужин, -- как бы извиняясь, робко произнесла Красота.

-- Го-го-го-го! -- расхохотался медведь во все горло. -- Да мне и не надо готовить, я ведь не человек, а медведь. Ужин теперь у меня с твоим появлением готов: я просто съем тебя на ужин и буду сыт, по крайней мере, целую неделю.

-- Послушай, -- пробовала возразить Красота, -- ты, вероятно, не знаешь, кто я. Я -- Красота.

-- Никакой я Красоты не признаю, -- угрюмо произнес медведь. -- Мне все равно, кто ты, лишь бы я мог утолить мой голод.

И медведь уже готовился броситься на Красоту. Дико вскрикнула Красота и шарахнулась в сторону.

К счастью, она обладала быстрыми ногами и могла убежать от медведя.

Вся помертвевшая от ужаса она теперь шептала:

-- К людям! К людям! К людям! Они оценят и поймут меня. Что дикому зверю и глупому месяцу в моей красоте? Пойду к людям и буду у них царицей.

Из хижины вышел человек, его жена и двое детей.

-- Кто ты? -- удивленно вскричали все четверо при виде приблизившейся к ним Красоты.

-- Я -- Красота! Я пришла к вам в долину, чтобы дать вам возможность любоваться собою, -- гордо отвечала царица заповедного чертога и встала, как статуя, неподвижно перед людьми.

-- Эге, -- произнес человек, хозяин убогой хижины, -- это, верно, новая работница, которую нам прислал кум Петр из соседней деревни. Очень кстати пришла ты, -- произнес он, весело обращаясь к Красоте, -- у нас теперь много работы, и нам нужна усердная, сильная и здоровая работница. Оставайся у нас и сейчас же принимайся за работу: пойди-ка в лес да накоси травы для нашей Буренки. А то жене некогда заниматься этим. Она идет в поле жать рожь.

-- Едва дослушав последние слова человека, Красота вспыхнула от гнева и затопала ногами.

-- Прочь от меня! -- вскричала она сердито. -- Или вы не знаете, что не для

работы и грязного труда создана Красота, а для того, чтобы вы, глупые, жалкие люди, любовались мною?!

И она пошла прочь от хижины человека, который смотрел ей вслед широко раскрытыми, изумленными глазами.

-- Вот чудная-то девушка, -- сказал человек, обращаясь к жене, -- очень она нужна нам, когда ничего не хочет и не умеет делать! Хорошо, что убирается от нас подобру-поздорову. Лентяев я не люблю.

Красота не слышала этих слов. Она была уже далеко. Она спустилась теперь еще ниже с горы, в шумную долину, посреди которой высились громадой городские постройки.

Это был роскошный город, по-видимому, столица.

-- Там живут богатые люди, -- произнесла, приближаясь к городским воротам. Красота. -- А богатые люди сумеют лучше оценить меня, нежели бедняки, которые слишком удручены заботами и нуждой. Им не до Красоты. Пойду к богатым.

И она вошла в ворота.

На городской площади стоял огромный дом, ярко освещенный тысячами огней. Все знатнейшие семьи города собрались сюда на праздник. Но так как на слишком многочисленных и шумных сборищах всегда бывает скучно и люди на них веселятся точно по обязанности, то гости скучали и здесь.

И все любовались ею -- и мужчины и женщины, и старые и молодые -- все, славя Красоту. Красота торжествовала.

"Давно бы так! -- думала она. -- И как мне раньше не пришло в голову вырваться к этим милым, благодарным людям из моего заповедного чертога!"

Но вот прошел час, другой, третий. Все прискучивает на свете. Прискучила и Красота. Людям надоело созерцать ее, неподвижную, однообразную, словно застывшую в своей великолепной позе, как мраморное изваяние на троне. И вот, сначала робко, потом все настойчивее и смелее зазвучали голоса:

-- Спой нам что-нибудь, Красота! Ты так прекрасна сама, что все, что ни сделаешь, должно быть тоже прекрасно.

-- Или расскажи нам сказку, чудесную и волшебную. Под твоими золотыми кудрями должен таиться мозг поэта! Ты должна уметь сочинять сказки и стихи.

-- Нет, нет! Изобрази лучше всех нас и себя на полотне в виде дивной картины. Ведь ты, наверное, владеешь кистью.

-- Нет, лучше сойди с твоего трона и станцуй нам. Ты, без сомнения, умеешь очаровательно танцевать.

Но Красота не двигалась с места. Она не умела ни петь, ни играть, ни сочинять сказки и стихи, ни писать картины, ни даже плясать. Она ничего не умела...

Ей стало горько и стыдно, потому что она была очень горда. И чем настойчивее звучали просьбы окружающих, тем бледнее и бледнее становилось ее прекрасное лицо.

-- Что же это за Красота, которая ни в чем проявить себя не умеет! -- крикнул чей-то дерзкий голос в толпе.

-- Не надо, не надо нам такой Красоты, -- подхватили другие голоса.

Вся бледная как смерть, Красота сошла с трона и покинула зал.

На пороге дворца она сняла с пальца драгоценный перстень и, приложив его к устам, громко пожелала очутиться снова в своем заповедном чертоге.

В один миг Красота была перенесена туда на невидимых крыльях.

Ее встретили златокудрые рабыни и сама волшебница Истина на пороге ее жилища.

Красота упала на колени перед доброй волшебницей и вскричала, рыдая навзрыд:

-- Возьми, возьми мою красоту и надели меня другим даром -- привлекать людей к себе. Сделай меня нужной и полезной, надели меня умением работать, трудиться, привлекать людей знаниями и способностями. Сделай меня нужной и полезной всему миру. Я убедилась, что одной красоты мало, чтобы заслужить на долгое время привязанность людей. Вместо всяких других достоинств надели меня талантами.

Улыбнулась добрая волшебница. Взмахнула волшебным жезлом, и в один миг окружающие Красоту рабыни почувствовали у себя в руках кто перо, кто кисть, кто арфу, кто ноты, кто гирлянду цветов, необходимую для танца. И полились дивные звуки вокруг Красоты. Это пели, играли и плясали ее рабыни. Встали перед нею дивные образы, одни написанные в книге пером, другие нарисованные на полотне в виде картины. Каждая из рабынь обладала теперь каким-нибудь искусством,

-- А мне? А мне? Что оставила ты мне, Истина? -- в отчаянии прошептала сквозь слезы зависти Красота. -- Ты раздала все таланты моим рабыням.

-- Тебе я оставляю самое большое: власть распоряжаться твоими рабынями, вдохновлять их. Это все, чем я могу наделить тебя, -- отвечала фея. -- Ты -- Красота. Ты могучая, властная сила и только ты одна должна вдохновить твоих покорных рабынь искусства. Без тебя они ничто... Твоя рука должна водить ими. Ты будешь давать им мысли и изящество. А я раздвину стены твоего чертога: пусть люди входят сюда усталые, измученные жизнью и борьбой, а ты со своими искусствами будешь давать им сладкие минуты радости и забвения.

И, сказав это, Истина исчезла без следа. А Красота и ее златокудрые рабыни остались в заповедном чертоге, чудно преобразившемся в один миг от звуков

пения и музыки. И люди шли теперь в этот чертог толпами, счастливые, радостные, умиленные, благословляя Красоту, умевшую давать такое счастье... И они не требовали больше от нее, чтобы она сама пела, играла, сочиняла стихи, танцевала. Они знали, что Красота -- царица и что по ее повелениям, по ее вдохновению, по ее указаниям играют, танцуют ее рабыни. А сама она, незримая, управляет каждым шагом своих рабынь. И Красота торжествовала...